

Что такое Каруля?

«Оттуда, яко на полчаса хождении на восток, обретается третий скиточек зело мал, проименованный Каруля. К нему же уже приближающийся зело путь жесток и страшен есть, яковаго еще в всем моем путешествии не видех, яко четверть часа тебе драться и руками и ногами, семо и овамо завращающийся, между ужасными пропастьми каменными, над морем висящими, отнюду зрящему низу, сердце унывает и великое есть тщание шествующему да не како поползнется в пропасти. Со мноюю нуждой и терпением тамо живущии восходят и нисходят, обремененни сущи, обаче терпят Господа ради, да и вечной жизни имут мзду!...» - так написал про Карулю Василий Григорович-Барский.

Но мы попадаем на Карулю другим путём нежели Барский. Он шёл от скита Св. Анны, минуя Малую Анну, мы же подплываем к маленькому бетонному выступу пристани. Здесь делают остановку корабли, плывущие из Дафни в Кавсокаливию. Эта пристань общая для Карули и Катунак. В прошлом году мы вступили на эту, можно сказать, легендарную землю, о которой слышали много рассказов, не лишённых некоторого налёта фантазии.

Тогда почти на самой пристани нам повстречался некий странный монах. Особое удивление вызывала его одежда. Обычно афонские жители, когда путешествуют, заправляют полы подрясника за пояс, а то в иных местах очень просто запутаться в одежде и свалиться в какую-нибудь щедро распахнувшуюся пропасть. Трудно было понять, есть ли на этом монахе подрясник, зато снизу явно проглядывались спортивные штаны, которые в России почему-то называются тренировочными. Плюс ко всему растерянный вид. Он стоит около нас и как-то мнётся, озвучивая паузу какими-то междометьями. Мы не сразу догадываемся, что перед нами знаменитый архимандрит Стефан, прозванный карульскими насельниками «папа-краль». Это прозвище родилось из-за смутных пророчеств о.Стефана, что он будет королём Сербии, и за ним то ли прилетят на самолёте, то ли приплывут на подводной лодке. Этому, разумеется, никто не верит, хотя о.Стефана уважают за те прежние подвиги, которые вроде бы и не из числа фантазий. Он, о.Стефан, - главный карульский долгожитель. Мало, наверное, кто точно скажет, сколько он здесь провёл лет. Ещё труднее определить его возраст. А монахи не любят лишних сведений и вопросов. Поэтому вряд ли кто скажет, сколько ему лет. Но должно быть уже не мало, так как в бытность

о. Стефана в Сербии нынешний патриарх Павел успел у него побывать в дьяконах. Да и про о.Стефана известно, что он служил в штабе четнической армии, а это, как ни крути, было более пятидесяти лет назад¹. Наконец-то мы узнаём, кто перед нами, по высокому росту и по спутавшимся длинным седым волосам. Силой, говорят, он в молодости обладал большой. Таким мы его видели на фотографиях, таким описывали его нам разные афонские рассказчики. Скоро объясняется и причина растерянности старца. За три дня до нашего приезда полностью выгорела его келья вместе с храмом и обширной библиотекой.

Известно, что о.Стефан забрал к себе в келью главу Никодима Карульского и неизвестно, уцелела ли она после пожара. Это нам объяснят позже. Как и то, что до о.Стефана в сгоревшей келье жил о. Софроний (Сахаров) - известный составитель книги о преп. Силуане. Позже мы встретим «папу-кряля» на корабле, плывущем в Дафни, куда он направлялся, чтобы покинуть Святую Гору, но был возвращён одним из молодых сербских карульцев. На корабле о. Стефан стал центром внимания, множество пассажиров, среди которых и иностранцы, неведомо как прознавшие об архимандрите, устремлялись к нему. И всем он показывал фотографию из календаря, на которой виднелись сербские солдаты и сопровождал кратким комментарием на сербском языке. Мы подумали, что он так обосновывает свою миссию в Сербию, не состоявшуюся в тот год, но совершённую им в следующем году вследствие повторного пожара, положившего конец всем строительным начинаниям. После отъезда

довольно скоро пришла весть, что «папа-краль» поучил в Сербии одного тамошнего епископа с применением физических средств. Наверное, епископ имел необходимость в подобном уроке.

Заканчивая о «папе-кравле», хочется заметить, что, конечно, его поведение и его рассказы вызывают удивление и улыбку, но не надо забывать, что среди карульцев это подвижник с самым большим стажем, и насельники свободного карульского братства ожидают его неизбежного возвращения, нимало в этом не сомневаясь. И несмотря ни на какие выходки, карульцы считают его подвижником. А там Богу ведомо, а не нам грешным. Правда, позже я узнал, что о.Стефан болен распространенной в миру болезнью – склерозом, и надеяться на его возвращение из сербского монастыря, где он живёт под надзором своей родственницы-монахини, не приходится. Нам же во время двух этих встреч не удалось поговорить с о.Стефаном, то ли из-за незнания сербским подвижником русского языка, то ли из-за таинственного нежелания. Хочется ещё добавить, что многих афонских подвижников считали прельщёнными...

В этот приезд нас ожидала грустная новость, которая огорчила нас ещё больше: сгорел один из лучших храмов на Афоне - храм свят. Иннокентия Иркутского с приделом преп. Давида Солунского. Это келья о.Симеона. В наш второй приезд мы повстречали его ещё в Дафни. Как всегда, состоялось радостное знакомство. У меня этих знакомств с о.Симеоном было уже минимум четыре, и каждый раз он расспрашивал меня с большим интересом. Это черта, видимо, всех афонцев. При размеренности их жизни и, в общем-то, небольшом количестве паломников из России, они умудряются забыть вас, и когда вы приезжаете через год, то они вас вспоминают с трудом и не всегда успешно. Это не похоже на тактическую хитрость и скорее свидетельствует об отрешённости от мира. Хотя, возможно, сказывается и некоторое переутомление от малоспания.

Вот мы вновь проплываем мимо отвесных скал, к которым прилепились едва заметные издали маленькие карульские келейки. Лет сто назад вот также проплывал пароход, с борта которого один русский монах с удивлением взирал на эти сооружения. Рядом стоял немец, он даже не удивлялся, а просто не верил, что это человеческие жилища. Разве можно жить в такой конурке над пропастью? Видимо, русский монах знал немецкий и вступил с ним в спор, убеждая его, что там живут настоящие монахи. И вдруг спор их был разрешён необычным

способом, из оной из каливок наружу высунулась седовласая глава подвижника, украшенная длинной белой бородой. Немец был сражён.

Мы помогаем о.Симеоноу выгружать многочисленные передачи и посылки для карульцев и говорим о том, что в прошлом году так и не зашли в этот храм, так как у о.Симеона были гости, а второго раза, на который мы всегда надеемся, Бог не дал. Храм этот был построен известным подвижником схимонахом Иннокентием Сибиряковым, бывшим сибирским золотопромышленником, скончавшимся в 1901. Он оказал немалую помощь строительству Андреевского собора, который был завершён за год до кончины о.Иннокентия. Описания скита говорят нам о могиле этого отца около скита. Можно представить себе и благолепие карульского храма. Теперь только представить. Затем в этой келье подвизался другой известный подвижник - о.Парфений. И о нём мы, увы, можем вспомнить очень мало. Как много поглотило время и нерадение... А жизнь эта, законченная в единственном в мире месте, где не рождаются, а только умирают, без сомнения могла бы украсить Афонский Патерик. Известно только, что он был великим князем² и, по собственному его воспоминанию, играл в детстве с будущим греческим королём Георгом II. Многие афонские монахи ощущали, как от него исходило благоухание... Всего лишь два факта... А что между ними?.. Можно только догадываться: смирение, добровольная нищета и многие подвиги.

«Когда он открыл мне калитку своей кельи, я увидел его перед собой, как символ победы над мирской славой и суетой. Аристократическая, благородная фигура, одетая в порванную рясу» (Архимандрит Херувим «Из удела Божией Матери»). После о. Парфения в этой келье подвизался о.Симеон, а затем иеромонах Серафим родом с Дальнего Востока, учеником которого и был о.Симеон, ныне переживающий такую трагедию.

Поднимаемся выше и попадаем в келью о.Х. В первый свой приезд мы его не застали, но сейчас он на месте. Он с радостью принимает нас. В его кельи нас ждёт радостное открытие. Мы видим главу известного карульского старца - схиархимандрита Феодосия, бывшего преподавателя Казанской духовной академии, прибывшего на Святую Гору в конце 80-ых годов XIX столетия и отошедшего ко Господу в 1938 году. Отец Х. разрешает нам сфотографировать наперсный крест старца с частицей Животворящего Креста Господня. и честную главу этого подвижника. О.Х. -один из старейших обитателей этого скита, сам хороший фотограф

и кроме того, пожалуй, единственный собиратель истории Карули. Здесь он провёл более 20 лет. Говорят, что он когда-то полицейским, охранником президента, и вот теперь он на Каруле. Пламенно любит свой народ - греков, вернее, эллинов, как он их называет. Но эта любовь к своему народу, который велик своими заслугами, не умаляет в его глазах другие народы, а как вода из переполненного сосуда изливается вовне и напоет всё окружающее. Этот схимонах любит русских: а как ему не любить, если недавно практически вся Каруля была русской и фотографии многих представителей её, наверняка, покоятся где-то в его архивах. Он имеет много друзей в России, и

Честная глава старца Феодосия

и после знакомства с о.Х. нам придётся выполнить долг любви: развозить посылки в Данилов монастырь, в Лавру. Подумать только, он четыре раза бывал на Соловках (вот посрамление нам), был практически везде в России, даже в Иркутске и на Дальнем Востоке. Да... А учёные монахи спорят и ругают греческий национализм, нынешний и прежний. Он действительно имеет место и немалую силу, и с этим вредным явлением нам ещё придётся столкнуться здесь, на Афоне... Но дело, как видно, прежде всего в благочестии, а ни в чём ином. В келье о.Х. до него спасался дивный старец, молитвенник, о.Нил - «пожилой русский исихаст совсем не знавший греческого языка», - так о нём написал архимандрит Херувим.

Но дальше в путь. Вот и сама келья старца Феодосия. Здесь Троицкий храм. В прошлом году мы удачно попали на воскресную литургию, совпавшую с днём преп. Серафима Саровского. Служили наши русские отцы, временно проживающие там. Подходя к этой келье, невольно вспоминаешь слова из книги Маевского, врезавшиеся в причудливую и капризную, часто непокорную, но иногда приносящую нам нечаянную радость, человеческую память. Эти описание старца

В храме святителя Иннокентия Иркутского

открывает нам всё, что может и должно быть открыто: «За калиткой послышались старческие шаги, прогремел отодвигающийся засов - и вслед за тем, на фоне тёмного четырёхугольника открывшейся дверцы, появилось перед нами прекрасное лицо старца-пустынника, одно из замечательнейших человеческих лиц, какая мне когда-либо приходилось видеть в жизни... Оно было чистым, открытым, обрамлёнными белыми, как лунь волосами головы. С такой же белой бородою, ниспадавшею на ветхую монашескую ряску. Но что было самым замечательным, самым чарующим на этом светлом старческом лице, - это лучистые и ясные глаза, которыми он как бы обнимал и привлекал к себе всякого приближавшегося. Привлекательна была и его добрая, детски ласковая улыбка, как бы озарявшая всё вокруг каким-то нездешним тихим светом, не имевшим ничего общего со светом солнечным, щедро лившимся на прекрасную афонскую природу».

Келья о.Феодосия в период его жизни на Каруле стала как бы местным центром. Кто бы не посетил эти места, обязательно оставлял описание своей встречи с о.Феодосием. Будь то писатель Зайцев или

униатский монах. Но, к сожалению, эти описания мало что говорят об о.Феодосии.

О.Феодосий родился в 1869 году в Саратовской губернии в крестьянской семье. По окончании учёбы в сельской школе Василий (таково было его мирское имя) был взят на казённый счёт в духовное училище. С этого момента начинается путь, которым прошли многие образованные русские иерархи, происходившие из крестьянства. Образование своё старец закончил в Казанской духовной академии. Затем пять лет был инспектором в Вологодской семинарии, но после оставил мир и ушёл на Афон. Здесь началось другое серьёзное и продолжительное учение. Старец поведал своему ученику, схимонаху Никодиму, о своей борьбе только с одной страстью – гневом. На Афоне о.Феодосий (тогда ещё Феофан) пошёл путём русского келиотского монашества и поступил в знаменитую келью свят. Николая, именуемую здесь Белозёрка. Три года он прожил здесь, неустанно борясь со своей страстью – гневом, и видел, что не мог победить её. И старец отправился к известному подвижнику того времени иеросхидиакону Лукиану, проживавшему в келье близ Пантелеймонова монастыря. Этот диакон, известный в Пантелеймоновом монастыре как живописец, ученик самого духовника Иеронима, был достоин такого выбора, потому что был очень суров по характеру, и послушничество у него было лучшим способом обрести смирение. Будущий карулец старался терпеть всё, но иногда впадал в уныние и слышал: «Ну, что ты нюни распустил». Выдержать будущему старцу удалось только полтора года.

Дальше путь его лежал в отшельнические места на Капсалу. Здесь он проводил настоящую отшельническую жизнь, вкушая немного супу с сухарями и держась безмолвия. Но когда он по обыкновению спрятался от посетителей, то вдруг услышал через дверь слова иеромонаха из андреевского скита: «Не усидишь ты в своём безмолвии – где твоя любовь к ближним?» О.Феодосий задумался. Он решил осилить тот путь, которым не смог пройти – снова вернулся к о.Лукиану. На этот раз он выдержал только полгода. Старался всё терпеть, но не выдержал: «врачевахомъ Вавилона и не исцеле» – говорил его старец.

Старец отчаялся: понял, что не может выдержать настоящего послушания и решил испробовать братское житие, которое есть первая ступень к жизни отшельнической. Он организовал на Капсале нечто вроде маленького скита из трёх монахов, которые каждую неделю из своей среды выбирали старшего и слушали его как игумена. Но самодельный скит

скоро развалился. И подвижник решил проводить самостоятельную жизнь по-отшельнически, но прибегая к духовным советам старцев. Одним из таких старцев, к которому обращался о.Феодосий, был иеросхимонах, по имени тоже Феофан (+25 мая 1903 г.), достойный украсить историю Афона не только своим происхождением, но и своей монашеской жизнью. Этот о.Феодосий был грузин и жил в грузинской келье ап. и ев. Иоанна Богослова Иверского монастыря. В миру он был князем Теодором Георгиевичем Эристовым. Его род уже сделал в древней истории немало приношение Афону. Во времена преп. Афанасия у него в послушниках были знатные грузины, основавшие ещё при его жизни Иверский монастырь. Первым был инок Иоанн (Варасваче), знаменитый полководец иверского царя Давида Куропата, вторым – его сын, в монашестве Евфимий и, наконец, третьим – князь Торникий, из рода которого и происходил грузинский инок. Князь Торникий вошёл в историю Афона тем, что по приказу греческой императрицы и по благословию преподобного Афанасия вынужден был переменить рясу на доспехи и вновь стать на время полководцем³. Но победа была одержана, и князь снова вернулся в обитель, где и закончил своё земное странствие. Его далёкий потомок, старец, известный духовник грузинского братства, закончил свой жизненный путь рядом с Иверским монастырём. Наш же иеромонах Феофан прожил на Капсале, поучаясь у старцев несколько лет, будучи вынужден часто менять кельи. Как-то он услышал, что в скиту Василия Великого, где начинал свой монашеский путь преп. Паисий Величковский, есть старец, преуспевший в непрестанной молитве. Вскоре русский монах переселился на Катунки и обрёл великого учителя молитвы исихаста Калиника. Закончил своё странствие по афонским кельям о. Феофан здесь на Каруле. Здесь ему суждено было прожить достаточно долго, до самой смерти. Переселился он на Карулю в 1914 году, а отошёл ко Господу 2 октября 1937 года. Троицкая келья была построена на деньги полученные от игумена Пантелеймонова монастыря Мисаила. Второй придел посвящён Покрову Божией Матери. По просьбе жертвователей также особо праздновалась память преп. Сергия Радонежского и преп. Афанасия Афонского 5 июля ст.ст. Освящена она была известным афонским отшельником, о котором, я надеюсь, удастся рассказать в другом месте, в 1917 году.

Очевидно, что период споров об Имени Божьем застал о.Феодосия на Катунках. Ему пришлось сыграть немалую роль в этих спорах. Именно, он ознакомил старца – безмолвника Каллиника, с существом

этих споров. О.Каллиник написал небольшой труд по поводу этих споров, который по преданию так понравился нашему императору. Ни мне, ни моим спутникам не довелось читать трудов о. Феодосия по поводу споров об Имени Божьем, но знаем, что ему была пожалована грамота от Священного Синода и подарен в благословение образ Всемилоственного Спаса. Но составленную им книгу в защиту старого стиля нам довелось держать в руках. Называется она: «Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношении ее к новому стилю». Автор не указан, а написано, что составлена она афонскими ревнителями благочестия. Спасибо о.Феодосию.

Келья Рождества Христова

После отца Феодосия здесь подвизался и его ученик Никодим, тоже известный русский старец, особенно почитаемый в русском зарубежье. Маевский описывает своего проводника, указывавшего путь к старцу, ещё молодым, как «коза перепрыгивающим с камня на камень». Но прошли годы в подвиге и молитве, и он сам стал известным старцем, к которому обращались за советом и помощью многие американские иерархи. Кончину этого святого старца описывает Павле Рак в своей книге «Приближения к Афону». В конце жизни Бог даровал ему немощи,

которые старец воспринимал как благодать. Старец забыл всё: и своё далёкое прошлое в России, и многое из своей прежней афонской жизни, и даже все молитвы, так что для него осталась только одна молитва: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И этих слов ему было вполне достаточно. Это наука и для нас, надеющихся в многословии своём быть услышанными.

Дальше Каруля становится настоящей Карулей, знакомой нам по многим описаниям. По всему пути, метко прозванному о.Х. «московской улицей» протянуты цепи. Без них ходить здесь было бы довольно опасно и под силу, наверное, только опытным альпинистам. По цепям же может пройти любой, и пишущие «всякие ужасы», мягко говоря, преувеличивают. Упасть можно, только выпустив цепь из рук. Тем не менее, хозяин кельи, в которую сейчас нас привёл «проспект», монах Пахомий, окончил свой земной путь именно таким образом - тело его выловили из моря. Что случилось, разумеется, никому неизвестно. Было это лет двадцать назад и, видимо, с тех пор келья эта стоит пустая. Кажется, что нет ни одного уголка в этой келье, которого бы не коснулось разрушение. Говорят, что «время лучший лекарь», но оно и лучший разрушитель. Каруля опустевшая в период упадка афонского монашества в 20 веке сегодня постепенно заполняется монахами и ищущими монашеского жития. Может, когда-нибудь мы встретим насельника кельи Рождества Христова.

«Московская улица» приводит нас в келью серба - схимонаха С., ставшего нашим хорошим знакомым. Вот большой сербский флаг - сразу видно, что славная история славянских народов здесь пользуется почитанием. Не так давно здесь подвизался датчанин - иеромонах Антоний, составитель редкой по содержанию книги «Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века». Те, кто считает, что времена великих подвижников прошли, может прочитать в этой книге жития иеросхимонаха Арсения, Хаджи-Георгия, Пахомия-серба и других, по своим подвигам ничем не уступающих древним афонцам. Так что дело не в том, что времена не те, а в том, что мы не те.

Да что там Афон и прошлое столетие, откроем книгу инока Всеволода Филиппева: «Когда в Словакии была установлена советская власть ему (иеромонах Савва, бывший насельник Джорданвилльского монастыря) пришлось принять на себя подвиг юродства. В течение трёх месяцев он ничего не вкушал, кроме Святых Тайн, которые потреблял после литургии ежедневно. Потом он ослабил пост, но всё равно в

последние три года своей жизни не ел даже хлеба и не пил чая, а питался только несолёной варёной картошкой, да и то не ежедневно, а через каждые пять дней». Так что философствование о современном слабом человеке - это лукавство, которое делает нас жителями мирских угодий, участь которых - тление, а не насельниками, пусть будущими, вечных небесных обителей.

У самой двери в келье нас встречают два черепа - останки ранее zde подвизавшихся. Это напоминание о смерти, которое необходимо и монаху и мирянину. На одном из них ещё можно прочесть имя - Иосиф. Тогда мне ничего не могло сказать это имя. Глава, останки, которых много увидишь, здесь на Афоне. О.С. тоже ничего не мог сказать о своём предшественнике. Но вот однажды года спустя, я открыл старую газету «Московские ведомости». И прочёл коротенькую статью здесь уже упоминавшегося Красковского, подписанная «Путник». Эта статейка оказалась весомей иных книг написанных про Афон. Неважно, что автор неправильно пишешь название Каруля, почему-то вместо «а» поставив «о». Каких только искажений этого слова мне не приходилось встречать в литературе. И Куруля, и Каруле. Видно, это место стало настолько легендарным, что имя стало предметом фольклорного творчества. Статский советник Красковский был очарован Карулей. «Это дикие люди, по европейскому взгляду, эти великие подвижники, по здешнему воззрению, эти святые философы, по-моему мнению, почти не сообщаются с миром. Я первый из «интеллигентных» решился попробовать это акробатическое путешествие на воздушных шарах и был вполне вознаграждён за него теми глубокими, неизгладимыми впечатлениями, какие произвели на меня виденные мною природа и люди». Он облазил все местные пещеры, которых он насчитал тринадцать, и, кроме того, узнал, что в труднодоступных местах находится ещё столько же, обошёл всех подвижников и настолько показался им своим, что они тут же выложили ему все местные карульские тайны. Корреспондент, потерявший совсем лицо интеллигентного человека, желал бы здесь остаться хоть на пару недель, но не смог – торопили, да и смутила его нехватка средств, которая сделала, по его мнению, невозможным пребывание.

Так вот, однажды корреспондент подкрался к каливке, в которой мы остановились. Подкрался не из какой-то хитрости или предосторожности, но потому что бегал босиком. Он хотел увидеть карульский туннель, по которому доставлялась пища. Он заглянул в растворённые двери каливки и подарил миру одно из самых ярких

описаний афонских подвижников... Он увидел убелённого сединами старца, сидящего лицом к окну на маленьком табурете. Старец готовился со всей тщательностью к трапезе. Это и был о.Иосиф, о котором, казалось бы, все сведения поглотило время. Перед старцем на столе стояли три чашки: его трапеза состояла из трёх блюд. «Сосредоточенно смотрел он в среднюю мисочку, в которой плавал сухарь. Попробовал размяк ли он. Остался доволен. Поднялся с маленькой табуретки, на которой сидел, вытянулся во весь свой гвардейский рост; его и без того строгое, измождённое, с впалыми щеками и тощей бородкой, отчасти калмыцкого типа, лицо сделалось ещё строже, глаза заблестели в морщинистых впадинах. ...Перекрестился, стал совершать обычное перед трапезой молитвенное правило, кончил, благословил трапезу и уже собирался усесться на свою табуретку...» Когда выяснилось, что он не один – Ипполит Фёдорович покинул свой наблюдательный пункт. Старец сначала несказанно удивился – откуда здесь мог взяться человек, а потом чрезвычайно обрадовался – ибо пришельцы здесь крайне редки.

«Так уж, говорю вы и обедать меня пригласите,» - продолжил Ипполит Фёдорович.

«-Хорошо, пожалуйста, вот на мою скамейку, а я постою. Только обед у меня свой, здешний корульский обед,» - ответил старец. Заглянул посетитель в первую чашку из тыквы. Там две смоквы, очищенные от колючек. А смоквы эти были не больше грецкого ореха. Заглянул во вторую чашку, там размоченный сухарь. А третье блюдо ничем не отличалось от второго, только разве сухарь ещё недавно был подвергнут действию воды и размякнуть не успел. Смоквы оказались сладки, но слишком сладки, а сухари, как сухари. Ржаные. Только... «-Что же Вы не посолили сухари,» - спрашивает исследователь карульской жизни. «Да соли нет, вся вышла. Да я уж и без соли тут привык. Сухарь со смоквой очень вкусен, точно с сахаром». А старцу тому, державшему такую карульскую диету было на тот момент 87 лет. И лечился от грехов он такой диетой здесь на Каруле около 30 лет. Вот такой был схимонах Иосиф, родом донской казак. «И рад же мне был о.Иосиф: крестиков кипарисового дерева своей работы надавал, ложек вырезанных собственноручно из весьма крепкого масляничного дерева», - заканчивает свой рассказ о визите к старцу корреспондент московской газеты. И как это обычно бывает, когда встречаешь истинно нуждающегося человека, как раз недостаёт денег. Ипполит Фёдорович смог дать старцу только «чарык», то есть полтинник, как, впрочем, и остальным насельником

Карули. И все были несказанно рады: может, при случае купят лампадного масла, которое на тот момент на всей Каруле вышло. Вот такой маленький эпизод, который произошёл более ста лет на этом самом месте.

Конечно, у о.С. теперь обстановка побогаче: можно сесть втроём или даже вчетвером и вставать никому не надо будет. Долгие часы мы проводим за беседой с о.С. Стены кельи его увешаны множеством икон. Он собирает все знамена нынешнего времени. У него можно найти репродукции всех чудотворных икон нынешнего времени. Долгий разговор о последних временах...

Дальше путь наверх в келью вмч. Георгия - самую древнюю келью Карули. «Там точно есть церковь мала, в честь святого великомученика Георгия созданна, и три келийки, от неких добродетельных пустыножителей сербских созданная, иже тамо скитахуся. Во время же моего странствия греки жительствоваху, зело благоговейнаго и подвижнаго жития, три числом, един иеромонах, другой монах, а третий черноризец, подначальный, послушный, мало что от рукоделья, более же от милостыни ради нуждаго и неудобоприступнаго их места». Но не доходя до кельи вмч. Георгия, мы сворачиваем направо и поднимаемся по круче в Иверскую келью. Когда-то здесь жили два русских монаха: Александр и его ученик Андрей. Когда старец, подвижник высокой жизни, умер, то ученик его впал в прелесть и чуть не погиб. Однажды его нашли обезумевшим, и только незадолго до смерти он пришёл в разум и всё рассказал. Ему явился «Христос», отшельник поклонился ему до земли и увидел козлиные ноги. Бес расхохотался и вошёл в него через рот. Это история из карульского предания, и мы несколько раз её слышали. Эту историю, видимо, рассказывает и Павле Рак в своей книге. Келья эта трудна для жизни, если другие размещаются

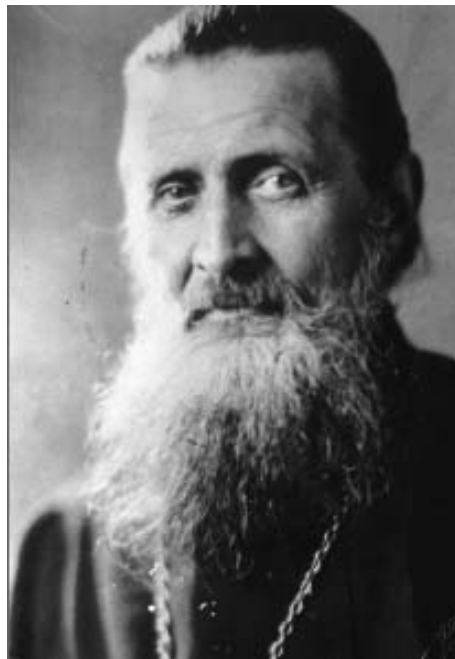
Вниз по Каруле

на небольших ровных площадках, то эта напоминает крошечную квартирку, вокруг которой кругом обрыв. Если в обычной местности бывают спасающиеся в затворе, то здесь все в какой-то мере затворники. Если даже очень захочешь, не будешь часто карабкаться в соседнюю келью. Если даже можешь что-либо купить в Дафни, то сначала подумаешь, а как ты это потащишь по скале.

Мы возвращаемся обратно к развилке и вот, преодолев несколько метров тяжёлого подъёма, добираемся до сердца Карули - Георгиевской кельи. Теперь есть время немного отдышаться. Отдыхая, вспоминаю о том, что в начале века, да и после революции Каруля была русской. В то время на Каруле было 40 насельников! Сейчас Каруля опять наполняется монашествующими. Но сколько их здесь? Ну, десяток. А тогда сорок... Каруля считалась самым суровым местом на Афоне. Ибо воскрилие горы, мною ещё от потопа сице отвалился, яко аки стена стоит единокаменна, в широту на пятнадцать сажней, в высоту же в дважды и трижды толико, и тамо мало места сравненного с велим трудом, на нём же стоит церковь с кельями. Такожде и там дождевою живут водою и некою дикою капустою, естественно в разселинах каменных родящуюся. Место оное паче всех безмолвнейшее есть и теплейшее. Аще же и близу над морем стоит, но отнюдь не имать пути к морю, понеже несть тамо берега, но вертепы и пропасти страшни и естественни камени превысокие...». Да, пути к морю здесь совсем нет, это просто скала, и с моря такая келья имеет вид неизвестно как прилепившегося к стене ласточкина гнезда. Стена кельи тесно прижимается к скале, так что есть только узенький проход, который ведёт в самый конец Карули. И тропинка эта ведёт на Катунаки через келью Даниэлев, как называют её карульцы. В стене этого маленького проходца есть окошко в маленькую карульскую костницу. Чьи же честные останки там покоятся? Открываем дверь и попадаем во двор храма, где растёт пара деревьев. Гигантский алоэ или подобное ему растение. По Барскому, вокруг храма было три кельи, построенные «от неких добродетельных пустыножителей сербских». Но сам путешественник застал уже греков, «зело благоговейнаго жития». В усыпальнице поём вечную память схимонахам Варсонофию, Паисию, Зосиме, Иннокентию и Никону. Располагаем небольшими сведениями только о последнем. Небольшими по объёму, но зато какими сведениями.

Иеромонах Никон был царским генералом, говорят даже адъютантом Его Величества. Последний рубеж этого офицера, который он оборонял, был здесь, на греческой земле. Здесь последнее место его

служения, последняя крепость, комендантом которой он был. По карульскому преданию его приезжал навещать, вернее, приплывал на подводной лодке, какой-то болгарский генерал. Армией командовал наш генерал тоже достойной. Мне попала в руки маленькая книжечка с житием схимонаха Тихона, учеником которого был всемирно известный старец Паисий. Так, из жизне-описания старца Тихона мы узнаём, что он пятнадцать лет подвизался в пещере на Каруле и по воскресным дням ходил причащаться в келью, которая была расположена над его пещерой.

Иеросхимонах Никон

Да вот такое здесь обитало братство. Мы рвём стручки с дерева, раскинувшего свои ветви рядом с кельей, - нам кто-то объяснил, что это акриды. Пробуем жевать - есть можно. Но теперь главное - мы открываем храм и поклоняемся его святым иконам. Какие только старцы не приходили в этот карульский собор, описанный ещё Барским. О том, кто совершал здесь Святую Евхаристию, хочется сказать словами архимандрита Херувима, который застал его живым. Простите за длинную цитату, но мало, наверное, найдётся тех, кто не прослезится читая этот маленький эпизод: «Затем я пошёл в исихастирион русского аскета Никона. Открылась дверь, и показалась эта замечательная личность. Он первый сделал поклон и что-то сказал по-русски. Я слушал его, ничего не понимая, смотрел на него и поражался. Вот, - думал я себе - небесный человек, который находится ещё на земле! Сколько раз хотелось бы нам повстречаться в жизни с такими людьми! Я верю, что самое чёрствое, самое напоенное мирскими помыслами сердце не может остаться не взволнованным и безразличным перед величием, которое

являют дикость места и покой, безмятежность этих людей: оно открывает, смягчает, умиляет...

Когда я попросил у него какой-нибудь сосуд, чтобы положить ему немного варенья из айвы, которое мы обычно варили в своей каливе, он отказался. Однако уступил, когда я стал настаивать. Пошёл и принёс мне глиняную тарелку. С первого взгляда было заметно, что он много раз использовал её, не моя. Ясно были видны остатки пищи! На какой-то момент я заколебался, можно ли положить сюда варенье. Однако старец поняв мое замешательство, заулыбался и сказал мне на ломаном греческом:

-Я пустынный, пустынный я.

Я положил варенье на эту отталкивающую для нас, обычных людей, тарелку. Я был взволнован строгостью, порабощением плоти и чувств старого аскета. Кто знает, как он использует это варенье... Может, как древние аскеты, которые наливали воду в еду, чтобы она утратила свой вкус, и чтобы таким образом не услаждать своего вкуса.

В одном порыве я склонился, чтобы ухватиться за его подрясник, поцеловать ноги, однако он успел раньше меня. Одним незаметным движением он оказался передо мной коленопреклонённым головой до земли. Услышал, как он, находясь в таком положении, шепчет: «Благодарю. Благодарю...» Это был незабываемый пустынный - высший офицерский чин русской армии, знавший несколько языков, всесторонне образованный отец Никон». Отец Никон отошёл ко Господу в 1963 году⁴... В последние годы в келье жили разные обитатели из России. Нам удалось познакомиться со схимонахом Иоанном. Немало времени мы провели в беседах с ним за столом у большого алоэ. Несколько раз приходилось нам спускаться к о.С., где мы ночевали в крошечной тьме. Конечно, спорили и искали виноватого, из-за которого пришлось так задержаться и прервать спуск в рискованное предприятие.

Принц Чарльз⁵, частый гость Афона, однажды прибыл с визитом в келью Даниэлев, возвышающуюся над Карулей. Это богатое братство протянуло на самый верх каменную лестницу и, таким образом, связала свой маленький монастырёк с помощью гужевого транспорта с карульской пристанью. Этот транспорт не портит воздух выхлопными газами, но удобряет почву своими отходами. Бедный принц оказался в сложном положении, балансируя между этими продуктами жизнедеятельности мулов, так что Каруля встретила представителя царствующего дома не очень дружелюбно. Зато встречающие оказались

достойными этой роли. Принц очень удивился, узнав, что среди представителей русского населения Карули есть и бывший врач, и бывший юрист. Это и был как раз наш знакомый о.Иоанн.

Прямо под кельей находятся три пещеры. В какой-то одной из них подвизался о.Тихон. Самая большая пещера имеет несколько длинных проходов. Пробираемся через заросли кактуса и попадаем в эту пещеру. Хотя идти, а, вернее, ползти, совсем недалеко, но даже, вооружившись фонарём, испытываешь некоторый страх. Стоишь на четвереньках и кажется, что каменные своды вот-вот сомкнутся и задавят тебя. Почти сразу попадаешь в большое подземное помещение, а далее пещера разветвляется: нам налево, направо тоже проход, в относительно широком пространстве видим аналой. Вот где подвизались вы, святые отцы! Честная глава одного из них в самом начале пещеры. Как возможно жить в такой пещере, особенно зимой? Но многие афонцы жили в таких пещерах. Вспомним хотя бы упоминавшегося здесь Пахомия-серба. Вход в пещеру, где он жил иногда, заваливало снегом. Но ранее здесь всё было не так. Гораздо позже мне удалось разыскать на страницах издания Пантелеймонова монастыря «Душеполезный собеседник» описание этой пещеры, сделанное в конце 19 века. С удивлением паломник обнаружил внутри скалы маленькую калибочку, на подобие тех, которые располагаются обычным образом наружи. Эта калибочка была построена из досок, и представляла собой одну комнату с несколькими иконами, перед которыми висела небольшая лампадка. На тот момент эта калибочка опустела, подвизавшийся в ней старец умер в одном из русских афонских скитов. Так иногда безвестно уходят из мира великие подвижники... Но вид этой калибки, так вдохновил паломника, что он запечатлел на страницах журнала слова, лучше которых не возможно найти, чтобы охарактеризовать это место: «Вот где тишина, совершеннейшее безмолвие, как бы совсем вдали от всего живого, где-то далеко внутри огромнейшей скалы, куда не достигает ни шум, ни плеск моря, ни вой ветра, ни голос человека, никакое живое движение, ни крик проезжающих по морю лодочников. вот где удобство к самовниманию, к самоуглублению... Нет не моя рука, не мой может это выразить, да едва ли это объяснимо. Только тот, кто тут поживёт, насладится плодами такового совершеннейшего безмолвия, тот и может ощущать, всё богатство для души и духа, какое можно тут приобрести с помощью благодати Божией».

Ещё дальше. Вот виден свет. Это выход. Здесь небольшая площадка над пропастью, на которой видны следы пребывания человека. Некоторые

В центре фотографии видна каруля.

современники пытались подражать старцам. Но, частенько им приходится иметь дело с полицией. Чтобы здесь жить, надо иметь хотя бы греческое гражданство, а лучше всего хотя бы молчаливое согласие на это лавры. Иначе возможен конфликт с полицией. Возвращаемся обратно бодрее - известной дорогой всегда идти легче. Поклоняемся честным останкам спасавшегося здесь старца. Скорее всего, это честная глава греческого старца Варфоломея, который был суровым аскетом и подвизался в сухоядении.

Под Георгиевской кельей спряталась небольшая каливка, по внешнему виду более напоминающая курятник. Вряд ли кто-нибудь вспомнит, кто здесь подвизался. Чуть ниже - объёмная пещера, к которой приделан небольшой балкончик. Здесь когда-то подвизался русский иеромонах Серафим, это единственное, что можно сказать о её обитателях. Да ещё, что там сейчас переносит тяготы отшельнической жизни наш соотечественник. Сейчас в этой пещере даже неплохо, но

это, когда стоит жара. Можно представить себе, каково будет тут зимой, когда повсюду воцарится промозглая сырость. Вот и вся Каруля. Мы возвращаемся в Георгиевскую келью, благодарим её русского обитателя за помощь и беседу и спускаемся обратно к о.С. Утром вспоминаем, что давно хотели спросить у о.С.: «Что означает слово Каруля? Нам встречались разные объяснения.» «А вы сходите и посмотрите, вот она там. Спуститесь немного вниз и увидите». Когда мы продрались через заросли кактусов, то увидели небольшую площадку, на краю которой над пропастью было закреплено под наклоном небольшое брёвнышко. «...На единой убо стене, зело навислой в море, древнии отцы устроиша верв, сверху камени привязан, на его концу привязавши кошницу, испущают колесцом древляным на низу, даже до моря, яже всегда день и ночь висит недалече, яко на полсаженя от воды. Мимоходящие же кораблецы странныи и ладии монастырей различных, аще случится тамо близу плысти, полагают в кошницу милостину: иннии хлеб, иннии сочиво. Или боб, иннии же инно что либо буди. По вечерни же, на всяк ден един от них зело жестоким путем нисходит до привязания верва верху высокого камени, и востягнув кошницу, взимает, благодаряще Бога, аще что обрящет; аще же ни, паки возвращается к братии, без роптания, понеже суть обичны трудятся...» Конечно, Каруля уже не та.. Да и мы не те. Не осталась бы ныне, когда мимо снуют рыбацкие лодки и даже прогулочные корабли, эта корзиночка пуста! Хотя рыбная ловля вблизи афонских берегов и, тем более, прогулки с громкими разглагольствованиями в громкоговоритель, запрещены. Но у участников этих мероприятий вряд ли возникнет раскаяние и желание заглядеть свой грех милостью. Хотя мы были свидетелями, как к берегу подошла лодка, кто-то громко позвал о.С. и, правда, не через карулю, а с помощью более современных приборов наш монах получил посылку. Отец нам сказал, что этот человек регулярно помогает ему. Так что каруля работает и поныне.

Да, кстати, насчёт всяких нарушений тишины. Один из обитавших некогда на Каруле рассказывал, что в определённое время, когда они садились за трапезу, то всегда в этот момент слышали звук циркулярной пилы и прочие связанные со строительством звуковые отходы. «Работа» продолжалась всегда определённое время и в определённое время заканчивалась. Да и мне самому не давало покоя всю ночь какое-то неуместное курортное веселье, шум которого явно доносилось до моих ушей. До полуострова Ситония, где действительно расположены курорты,

достаточно далеко, и возможность афонцам услышать гуляющих и отдыхающих просто исключается. Правда, о.С. сказал, что отшельников донимают своими криками и разговорами рыбаки, выходящие на ночное делание. Ясно, кто координирует их деятельность, но видно таковы стали нравы в православной Греции.

Надо отметить, что мы интересовались возможностью искушений здесь на Афоне. К тому же, один из авторитетных журналов в своё время растиражировал рассказы одного послушника, уже давно покинувшего Карулю, что, дескать, здесь происходят немыслимые искушения с паломниками. Этот вопрос особенно взволновал Валеру, которому выпало спать на улице. На что о.С. просто и по-монашески верно ответил, что, когда были великие отцы, тогда были и великие искушения, теперь же, когда сила подвижническая ослабла, редки и искушения. Что же, в каком-то смысле досадно, но яснее не скажешь. И нам вспомнился рассказ из карульского предания, как одному подвижнику было такое явление. Вдруг видит он большой корабль, на нём стоят некоторые из священнического и монашеского чина, рядом с ними виднеются фуражки высших офицерских чинов и некоторая представительная публика, и все они зовут подвижника и кричат ему, что его избрали патриархом, и ему тотчас надо ехать на корабле. Удивился подвижник, но раз такое дело, собрал быстро, чтобы не задерживать важных лиц, пожитки и уже выбежал из своей хибарки. Но, тут он остановился и перекрестил корабль. Как всем, конечно, очевидно, корабль тут же пропал. Всем нам очевидно, но придёт такое искушение к нам, и что мы... Даже если такой подвижник чуть не поколебался, то что говорить о нас - младенцах в духовной жизни. Предание умалчивает, с кем это произошло. И, наверное, зря умалчивает, как и о многом другом, что могло бы оказаться весьма назидательным для нас. Но, увы, мало мы знаем о жизни афонцев в 20 столетии. И только ли революция в этом виновата? Ведь и о предыдущих годах сведения тоже крайне скудны. Но немного всё же можно добавить к уже сказанному.

Посетивший в конце 19 века Карулю паломник оставил удивительное повествование об обращении из раскола здешним старцем двух федосеевцев. Но об этом расскажем в другом месте. В шестидесятые-семидесятые годы 19 века в келье при главном карульском храме вмч. Георгия подвизался русский старец, духовник всех монахов из близлежащих келий. Звали его иеросхимонах Израиль. Было у него два ученика иеромонах Иона и монах Исихий. Но старцу по причине

некоторых неизвестных нам нестроений пришлось покинуть Карулю и перейти в Андреевский скит. Архимандрит Феодорит направил его в один из метохов скита на остров Тассо, где он и скончался. Грустно умереть святогорцу вне святой афонской земли. И даже такому подвижнику, как о.Израиль, не дано было закончить свой жизненный путь в уделе Божий Матери. Трудна была кончина и его ученика о.Ионы. Крепкого телосложения, он решил вытащить в одиночку лодку на карульский берег и почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Его доставили в Пантелеймонов монастырь, где он вскоре и встретил свой смертный час. До старца Израила по воспоминаниям Святогорца уединялся на Каруле архимандрит Онуфрий, который имел бороду до колен подобно тезоименитому ему древнему святому. Но отрывочные сведения, сводящиеся только к именам да весьма неточным датам, меркнут рядом с карульской историей, которую мне удалось найти в отрывках из дневника Святогорца в одном из номеров «Душеполезного собеседника».

Это рассказ некоего иеромонаха Августина, бывшего насельника Троице-Сергиевой лавры, поселившегося в пустынной келье на Керасии. Вот что он сообщает в своём письме иеросхимонаху Сергию, датированном 30 сентября 1852 года: «При сем сообщу Вам для пользы душевной одно чудо, бывшее на Каруле. Удостоился и я тут быть. Вот оно: 17 числа октября пополудни случилось мне быть в скиту Каруле, где подвизаются старец Евфимий и ученик его Лукиан рыбака. Старцу же Евфимию открылось желание непременно быть вверху, где церковь, на Каруле, да и прочие бывшие присоветовали каким-нибудь образом его вытащить из этой пещеры страшным и опасным путём, а как оный старец Евфимий не в силах был сам подняться тем путём, то один из нас, о.Пахомий, вызвался с усердием поднять одного старца. Положили больного старца на торбу и привязали к плечам о.Пахомия, и он с Божией помощью, понёс его наверх. В это время один из наших товарищей, да и сам о.Евфимий видели, что вдруг явился Ангел Божий, держа в правой руке перо, а в левой чернильницу и бумагу, и идя позади их, что-то записывал, а когда о.Пахомий донёс старца до самой стремнины, или опасного места над морем, вдруг является другой Ангел Божий в белом одеянии и, идя по воздуху, одной рукой поддерживал старца Евфимия и шептал ему на ухо, не велел страшиться и ничего не бояться, а первый ангел продолжал писать. Когда поднялись на самый верх Карули, и положили больного на постели, тогда оба Ангела, несколько посидев у него в головах, утешали старца надеждою будущих благ и затем стали

Келья современного русского карульца

невидимы. Помните ли, я Вам рассказывал, как диавол являлся в виде козла и гнал из пещеры старца Евфимия и хотел ещё с ним побороться. Это тот самый Евфимий». Да были старцы, и была брань! Тут невольно вспоминаешь о.С с его объяснением мира на Афоне. Если кто ходил тем путём которым о.Пахомий пронёс старца, ему покажется невероятным, как можно пронести на плечах другого человека по узенькой тропинке, где нога должна ступить только в отведённое для неё место и ни в коем случае ни на сантиметр в сторону. Это очень рискованное предприятие. Это тот самый случай, когда монашескую жизнь оказывается невозможно описать в рациональных мирских категориях. Зачем подвергать двух человек страшной опасности? Ради прихоти старого больного человека? Но то, что это была прихоть, опровергают явившиеся ангелы. Или это любовь к храму, к соборной молитве, которая вознаграждена попечением ангелов? Или этот отрывок повествует о том, что земные ангелы настолько угодны Господу, что он посылает им в помощь небесных? И трудная дорога становится лёгкой с помощью такого невидимого посланца?

Но, вот приходит время нашего отъезда. Прощаемся с русско-сербской диаспорой, с о.Х. Сейчас корабль нас увезёт прочь от карульской земли. Хотя правильнее сказать, скалы. Доведётся ли ещё нам когда-нибудь ступить на эту землю и вновь встретить на ней наших отцов? Ну, хорошо, пусть даже не этих, но достойных их. Умножается в мире грех, но всё же есть маленький противоток, маленькое течение, которое приносит к карульским берегам спасающихся и выбрасывает их на этот благословенный берег. Как некогда по благословению преп. Афанасия привела сюда разбойника побеждающая всякий грех сила покаяния. И кто знает, скольких она сюда привела. И для скольких это место стало спасательным кругом, верёвкой, брошенной утопающему. Помни об этом, мир!

«...Обитаху же тогда мужие добродетельны зело, с ними же собеседовах и хлеб едох, и ползвахся от беседы их. Бысть от них старец с пресечённою рукою, иже прежде бяше прослутый курсар, и есть разбойник морской, обаче многи тамо уже лета жительствовавше в покаянии, якоже совершенно о нём известихся. Тогда помянух великое Христово милосердие к кающимся грешником и Его евангельские словеса, яко многие разбойники и митаря восхищают царствие Божие, и воздхнув, помянух своя грехи, просящи Творца, да дарует мне и всякому желающему благий конец».

Ссылки и комментарии

¹ Впоследствии, после смерти о.Стефана, воспользовавшись данными Павла Рака, мне удалось опубликовать в православной прессе следующий краткий некролог. Видимо, эти данные следует считать наиболее достоверными:

Почил о Господе афонский подвижник схиархимандрит Стефан Карульский. Вся жизнь афонского старца была тесно связана с братским русским народом. О.Стефан (Милкович) родился в 1922 году. Учился в сельскохозяйственном техникуме. Знания, полученные там, пригодились ему впоследствии, когда он стал афонским монахом. Ещё до Второй мировой войны о.Стефан поступил послушником в монастырь Туман в Сербии, где в то время подвизалось русское братство. Во время войны находился в монастыре Студеница. По словам о.Стефана однажды коммунисты хотели его расстрелять, но ему удалось спастись бегством. Это находит подтверждение в воспоминаниях о монастыре тех лет архимандрита Иоанна (Радосавлевича). В это время о.Стефан был рукоположен владыкой Николаем (Велимировичем) в диакона. На Афон, по собственным словам о.Стефана, он пришёл из Сербии пешком, в

самом начале пятидесятых годов. Сначала поступил в сербский монастырь Хиландарь, где пробыл совсем недолго. Жил с русскими монахами в Карее, затем один в Старом Руссике, а потом поселился на Каруле, месте самых суровых подвигов афонского монашества. Здесь о.Стефан провёл почти 40 лет. О.Стефан принадлежал РПЦз, как и некоторые другие карульские подвижники, но принимал всех, кто обращался к нему за советом и помощью. На Каруле о.Стефан вёл строгую подвижническую жизнь и был известен во всей Греции. Сотни людей приходили к нему или обращались письменно за наставлением или испрашивая молитв. Во время своего пребывания на Каруле о.Стефан служил ежедневно Божественную Литургию. Причём часто ему приходилось служить в одиночестве, так как все эти годы он практически не имел послушников. О.Стефан был великим молитвенником, и люди, зная это, почитали его и любили. Сотни имён поминал он каждую ночь, совершая проскомидию, причём часто без помянника, наизусть. Имел множество духовных чад в Греции, Сербии, Франции (русских). Написал четыре брошюры, содержащие духовные наставления общедоступного характера, которые были напечатаны его греческими друзьями. Но, больше, чем этими брошюрами, он вошёл в историю Афона своей яркой личностью, которая во всём имела особенный колорит: и в фигуре, и в живом общении с сотнями гостей, и в подвигах, и в юродстве. О.Стефан иногда юродствовал, иногда был серьёзен и делился своим опытом афонской жизни с теми, кто мог его воспринять. Со временем юродство захватило всю его личность, и усугубилось старческими немощами и болезнями, что соблазняло многих плохо знакомых с монашеской жизнью и неспособных оценить подвиги, совершаемые подвижниками на суровой и даже именуемой некоторыми страшной, Каруле. Около трёх лет назад пожар уничтожил келью о. Стефана, и две зимы старцу пришлось прожить в пещере. Оттуда его и увезли в Сербию, в монастырь Сланцы под Белградом, который является метохом (подворьем) Хиландаря. Там о.Стефан и встретил свою кончину на праздник Введения Пресвятой Богородицы в 2001 году.

² По карульскому преданию о.Парфений принадлежал к царскому роду Романовых. В 25 номере «Русского паломника» опубликованы воспоминания схимника Макария о карульских монахах. Об о.Парфении говорится так: «Личность таинственная. Слышно было, что принадлежал к известной княжеской фамилии. Очень редко кого принимал в своём домике с церковкой. Часто служил Св. Литургию, а помогал ему о. схимонах Зосима-карулец, пел и читал на клиросе. Других он не допускал на своё служение. Я всё же один раз удостоился быть принятым в его домике, и в беседе с ним за чашкой чая ясно увидел, что он не из простых людей. Не буду останавливаться на нашей беседе. Но он был подвижник и делатель умной молитвы. Его собранность чувств, его отчуждённость от мира говорили сами за себя, подавая пример и нам, желающим спастись. Его дворик с церковкой находился внизу, недалеко от моря, окружённый оградой. Дворик был нам хорошо виден с дорожкой посередине,

по которой о.Парфений имел привычку ходить и тянуть чётку. Почил тихо и мирно, и незаметно. Какова была его жизнь, такова и кончина».

³ «Если ты не послушаешь царского голоса, то будешь отвечать пред Богом за кровь своих соотечественников, которых ты мог, но не хотел спасти, будешь отвечать и за разорение и поругание храмов Божиих... Дерзну сказать, что любовь к ближнему приятнее Богу, нежели ревностное попечение о спасении своей души», - вот слова преподобного.

⁴ О.Никон - личность не менее загадочная, чем о.Парфений. Впоследствии нам удалось обнаружить на Каруле не только его фотографию, но и греческий паспорт, который, к сожалению, содержал слишком мало сведений. По профессии, он - иеромонах, в 1935-1936 годах ездил в Сербию. Это и не удивительно, потому что, по сведениям "Русского паломника", он жил в эмиграции в Сербии, где и принял постриг. Кроме того русский посланник в Сербии был его родным братом. Ещё из этого же журнала мы узнаём, что о.Никон рассказывал своему соседу по келье о.Макарию про Аляску. О.Никон был на Алеутских островах, был на острове Афогнак, соседнем с Еловым островом, где подвизался преп. Герман, и где тогда жил тульский монах Герасим, в своё время бывший и на Афоне. Единственное надёжное сведение, которое даёт паспорт русского монаха, это то, что он родился в 1873 году. Надпись на его главе в Карульской костнице неопровержимо свидетельствует о том, что он скончался в девяностолетнем возрасте. Правда эти данные вступают в некоторое противоречие с приведёнными в докладе архиепископа Аверкия (Таушева) собору епископов РПЦЗ «Святая Гора м ея современное состояние»: «Сверх этого на Каруле..., где русскими построено 3 церкви, до сих пор ещё подвизаются семеро русских иноков: 2 иеромонаха, из которых одному 79 лет, а другому 62, оба служащие, 1 монах 78 лет, 1 монах 80 лет, 1 монах 58 лет, 1 монах 60 лет, и ещё один иеромонах самый молодой 48 лет» (на 1 октября 1962 года).

С. Большаков издал в Брюсселе маленькую книжечку об Иисусовой молитве. Там приводится его беседа с библиотекарем Дионисиатского монастыря о.Евфимием: «И пойдёт у тебя эта молитва уже сама, как ручеёк: ходишь ли ты, работаешь ли, или спишь. Я сплю, а сердце моё бдит. а потом и слов не надо, и мыслей никаких, и вся жизнь твоя станет молитвой. Вот как о.Дорофей говорит тебе об Иоанне Молдавском.

- А такие люди есть, как старец Иоанн?

- Есть. Да вот неподалёку, здесь же на Афоне, на Каруле, есть пустынники, весьма далеко некоторые взошли...»

Было это в 1951 году. Кто знает, может эти слова относились к о.Никону.

⁵ По сообщению газеты «Радонеж» принц Чарльз принял православную веру.